

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-367-390>

<https://elibrary.ru/YRFCSY>

П.М. БИЦИЛЛИ И ЖУРНАЛ «НОВЫЙ ГРАД»

© 2024 г. М.А. Васильева

Аннотация: Статья посвящена истории сотрудничества выдающегося гуманитария-энциклопедиста П.М. Бицилли с парижским эмигрантским журналом «Новый Град» (1931–1939). Бицилли был не только одним из самых активных авторов журнала, но оказал немалое влияние на становление новоградства — оригинального пореволюционного течения русского зарубежья, во многом определившего умонастроения эмиграции и эмигрантской молодежи в предвоенное десятилетие. Статья исследует глубинные пересечения воззрений Бицилли и новоградских идеологов, разрабатывавших концепцию «социального христианства». В статье также анализируется ряд программных публикаций Бицилли на страницах «Нового Града».

Ключевые слова: межвоенная эмигрантская периодика, философская публицистика П.М. Бицилли, пореволюционные течения русской эмиграции, феномен новоградства, христианский социализм, национальный вопрос, концепция «нового средневековья», спор о молодой эмигрантской литературе.

Информация об авторе: Мария Анатольевна Васильева — кандидат филологических наук, ученый секретарь, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, 109240 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4197-658X>

E-mail: marijvasil@mail.ru

Для цитирования: Васильева М.А. П.М. Бицилли и журнал «Новый Град» // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 367–390.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-367-390>

Research Article

PIOTR BITSILLI AND THE JOURNAL “NOVYI GRAD”

© 2024. Maria A. Vasilieva

Abstract: The article is devoted to the history of cooperation of the outstanding humanist-encyclopedist Piotr M. Bitsilli with the Paris emigrant journal “Novyi Grad” (1931–1939). Bitsilli was not only one of the most active authors of the journal, but had a considerable impact on the formation of the “novogradstvo” — the original post-revolutionary movement of the Russian diaspora, which largely determined the mindset of emigration and emigrant youth in the pre-war decade. The article explores the deep intersections of the Bitsilli’s views with those of “Novyi Grad” ideologists who developed the concept of “social Christianity”. The article also analyzes a number of Bitsilli’s program publications on the pages of the “Novyi Grad” journal.

Keywords: interwar emigrant periodicals, philosophical journalism by Piotr M. Bitsilli, post-revolutionary movements of Russian emigration, the “Novyi Grad” phenomenon, Christian socialism, national question, concept of the “New Middle Ages”, dispute about young emigrant literature.

Information about the author: Maria A. Vasilieva, PhD in Philology, Academic Secretary, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, Nizhniaya Radishchevskaya St. 2, 109240 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4197-658X>

E-mail: marijavasil@mail.ru

For citation: Vasilieva, M.A. “Piotr Bitsilli and the Journal ‘Novyi Grad’.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 367–390. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-367-390>

Отдельная тема, достойная всяческого изучения в эмигрантоведении, — история сотрудничества выдающегося гуманитария-энциклопедиста Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) с эмигрантской периодикой, в том числе парижской. Наиболее полно сегодня изучено его присутствие в самом влиятельном эмигрантском журнале «Современные записки» (1920–1940) [40, с. 479–646], где Бицилли начал печататься с 1925 г. и опубликовал в общем счете 32 статьи и рекордное число (104) рецензии. Издание обширной переписки ученого с представителями редакции «Современных записок» (В.В. Рудневым, М.В. Вишняком, И.И. Фондаминским) дает возможность в полной мере оценить его участие в судьбе журнала не только как «рядового» автора, но как единомышленника — от рекомендации новых имен до содействия в поиске типографии. В период внутриредакционного кризиса, который охватил журнал в середине 1930 х гг., именно Бицилли оказался доверенным лицом, с которым редакция в лице Руднева подробно обсуждала свою дальнейшую стратегию. Очевидно, что для «Современных записок» Бицилли был фигурой значимой. Не случайно его диалог с авторитетным периодическим изданием рассматривается публикаторами редакционного эпистолярия М.А. Бирманом и М. Шрубой как история взаимных достижений — «Современные записки» помогли представителю старшего поколения адаптироваться к эмигрантской реальности в той же степени, в какой и он сам влиял на облик журнала. Благодаря «Современным запискам» Бицилли, обосновавшийся с 1924 г. в Софии (в сущности, на периферии русского рассеяния), прочно вписал себя в литературную среду межвоенных лет как востребованный автор с высокой дореволюционной научной культурой, блестяще владеющий мобильными жанрами периодики (журнальная аналитическая статья, обзор, эссе, рецензия).

Представляется закономерным, что в монографии М.А. Бирмана «П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество» (М., 2018) эволюция сотрудничества софийского профессора с эмигрантской прессой рассмотрена через призму публикаций на страницах легендарного парижского журнала и переписки с его редакцией. Присутствие Бицилли в других периодических изданиях обрисовано исследователем кратко:

Кроме поименованных публикаций в «С<овременных> з<аписках>» Бицилли еще с конца 1920 х гг. напечатал в иных изданиях ряд статей небольшого объема и рецензий, откликаясь на волновавшие его проблемы демократии и культуры. Они были обна-

родованы преимущественно в издававшихся в Париже журналах «Новый Град» и «Числа» и в софийских журналах (на болгарском языке) «Просвета» и «Философски преглед» [3, с. 193].

Это показательное библиографическое «ранжирование» можно объяснить уже хотя бы несопоставимо меньшим числом публикаций в «иных изданиях».

Между тем для воссоздания целостного образа мыслителя представляет не меньший интерес его сотрудничество с альтернативными «Современным запискам» журналами «Числа» (1930–1934) и «Новый Град» (1931–1939). История его взаимоотношений с трибуной молодых эмигрантских писателей — парижским журналом «Числа» — отчасти была затронута автором этих строк (см.: [4]), а изучение новоградского дискурса в творчестве Бицилли до сих пор не получило должной оценки.

Оба журнала возникли почти одновременно, в начале переломного десятилетия, став обоюдоострым полемическим ответом как старшему эмигрантскому поколению с его «старозаветным» идейным багажом, так и современности с ее новейшим эсхатологическим сценарием. И «Числа», и «Новый Град», несмотря на немалую долю критики в их адрес, не только прочно заняли отдельную нишу в ряду эмигрантских журналов и нашли своего читателя, но по факту вошли в число наиболее успешных проектов повременной печати русского зарубежья. Особую роль «Чисел» так определял один из идеологов издания Г.В. Адамович:

По всей вероятности, успех их основан именно на заполнении того «пробела», который давно уже здесь чувствовался, — на широкой, быстрой и притом критической отзывчивости к явлениям общей культуры. <...> Предпосылкой их служит стремление понять, уразуметь, почувствовать наше время, признание «сдвига», происшедшего в мире, и утверждение того, что у эмигрантского «человека тридцатых годов» <...> есть что остальным людям сказать [12, с. 2].

Журнал «Новый Град», созданный по инициативе И.И. Фондаминского (Бунакова), Г.П. Федотова и Ф.А. Степуна, был также всецело эмигрантским почином, обращенным к реалиям времени, к мировидению человека тридцатых годов. «Не легкомысленная жажда новизны, не слепая ненависть к старине соединила нас, искателей Нового Града. Нет, в старом городе просто становится невозможно жить» [36, с. 3], — говорилось во вступительной статье от редакции.

Несмотря на то что «Новый Град» просуществовал вдвое дольше «Чисел» и выработал иную тактику («Числа» изгнали политику, отдав предпочтение литературе и искусству, а «Новый Град» был открыт для обсуждения различных политических пореволюционных концепций), эти издания взаимодополняли друг друга. Были и демаркационные линии, на которые указывали сами идеологи журналов. Ощутимый водораздел пролегал между созерцательным «монпарнассским» мистицизмом (или «темой нирваны», по определению Г.П. Федотова [49, с. 146]), к которому тяготели «Числа», и христианским активизмом «Нового Града», иронично названным Г.В. Адамовичем «революцией на лампадном масле» [10, с. 156]. Вместе с тем оба парижских журнала, обратившись к современности, целенаправленно преломили мнемоническую традицию русской эмиграции. Не случайно тот же Адамович указывал на скрытую опасность охранительной стратегии «Современных записок»:

Именно в том, что называется «хранением заветов», редакция видела свою задачу. Но шли годы — и мало-помалу стало выясняться, что «заветы» — не консервы, которые можно хранить сколько угодно, лишь бы только не подвергать их действию свежего воздуха. Появилась опасность отрыва от жизни ради холодноватого музейного благолепия [11, с. 3].

Характерно, что И. Фондаминский в письме к В. Рудневу от 20 июня 1934 г. настойчиво предлагал обновить «Современные записки» разделами по образцу «Нового Града» и «Чисел», заметив при этом:

Постепенно мы составим себе репутацию устаревших и даже мертвых людей, а такая репутация действительно убивает. Я решительно перешел бы на молодежь, тем более, что скоро это станет физически необходимым <...> А, главное, мир сейчас переживает такой захватывающе жуткий и интересный момент, что все наше внимание должно быть сосредоточено на нем. Повторю то, что сказал о беллетристике: мнение, складывающееся о нашем журнале, как о «мертвом» (архив, музей), убьет его (курсив мой. — М.В.) [39, с. 754].

В силу непреодолимых идеологических разногласий «Новый Град» не стал и не мог стать ориентиром для «Современных записок», а Руднев и Вишняк обрушились с последовательной крити-

кой на «новое увлечение» [31, с. 107] фактически отколовшегося от редакции Фондаминского¹. Между тем к середине 1930 х гг. содержание «Современных записок» заметно обновляется — журнал корректирует свой «музейный» нарратив и обращается к современности. Знаменательно, что одним из наиболее востребованных консультантов в эти годы выступил именно П.М. Бицилли. Его разбор номеров, сделанный по просьбе Руднева, падает как раз на период «редакционной гражданской войны»² (так определял «внутрикорпоративный» конфликт сам ученый). Ответные письма софийского профессора, по сути, являются внутренними рецензиями на журнал. В целом Бицилли был склонен давать не формально-комплементарные, а мотивирующие оценки, в которых четко просматривалось его личное видение целей и задач эмигрантского «толстого» журнала:

...мне кажется, что «С<овременные> зап<иски>» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них; они все более оправдывают свое название, становятся все чувствительнее к «современности» с ее трагической проблематикой³, —

напишет Бицилли Рудневу в 1936 г. Сам ученый к этому году уже прочно вошел в состав «Нового Града», ориентированного на «трагическую проблематику» текущего момента. Вместе с тем на фоне активной вовлеченности в новейшие эмигрантские проекты, в переписке с Рудневым он выскажет следующее соображение:

...исключительность — и единственное преимущество русской эмиграции, находящейся, в силу проклятой необходимости, т<ак> сказ<ать>, en marge <на краю (фр.)> истории, — это возможность для того, кто вообще на это способен, — *сохранить свою духовную свободу, свободу выбора в духовном наследии «старого» и в духовных ценностях «нового»*⁴.

В постановке вопроса о «духовной свободе» снова просматривается понимание мыслителем не только беспрецедентной роли русской эмиграции как звена между гибнущей цивилизацией дореволюци-

¹ Полемику см.: [5; 36; 37]; см. также: [33, с. 294–333].

² П.М. Бицилли — В.В. Рудневу, 10 августа 1936 г. [40, с. 587].

³ П.М. Бицилли — В.В. Рудневу, 23 июля 1936 г. [40, с. 581].

⁴ П.М. Бицилли — В.В. Рудневу, 3 августа 1936 г. [40, с. 582].

онной России и новым мироустройством и не только исключительного места «Современных записок» в эмигрантской повременной печати как золотого фонда русской культуры, но и своего, личного места в переломной эпохе. Одновременное участие Бицилли в столь разных парижских журналах — наглядная иллюстрация диалогического совмещения в его мировидении двух парадигм — «духовного наследия “старого”» и «духовных ценностей “нового”».

Документальных свидетельств сотрудничества П.М. Бицилли с «Новым Градом» немного. Тому есть несколько причин. Межвоенных архивов эмигрантской периодики почти не сохранилось, поскольку некому и негде их было собирать, вести и хранить. Отдельные материалы, как правило, оседали в личных архивах редакторов (пример тому — архив «Современных записок», в основу которого легли личные собрания Руднева и Вишняка). В случае «Нового Града» ситуация осложнена тем, что архив Фондаминского пропал вместе с его библиотекой при аресте в 1941 г., довоенное собрание Степуна погибло во время бомбардировки Дрездена в 1945 м. Наиболее полно в фондах представлены материалы Федотова, а также отложившиеся в собраниях адресатов и раскиданные по разным местам многочисленные исходящие письма. В целом, этого было бы достаточно для издания в будущем тома переписки, относящейся к «Новому Граду».

Если же обратиться к публикации редакционного эпистолярия «Современных записок», то в обширном архивном массиве можно отследить плотный новоградский контекст, в том числе в переписке Бицилли. Примечательно аргументированное замечание публикатора М.А. Бирмана, что сотрудничество ученого с журналом было инициировано Фондаминским. Примечательно также, что сам Бицилли, в свою очередь, обратил внимание редакции на Г.П. Федотова (см.: [40, с. 493, 494]). Оба — и Фондаминский, и Федотов — составят идейный костяк «Нового Града». А сама история взаимной протекции, в сущности, отражает идейную близость трех мыслителей.

Показательна и содержательная направленность статей Бицилли в «Современных записках», она претерпевает ощутимую эволюцию на фоне внутриредакционных коллизий и запуска новоградского проекта. До 1930 г. он публикует здесь внушительное число текстов на стыке историко-культурологического и общественно-политического дискурсов. Примером может служить цикл статей, посвященных «философии нации» (см.: [16; 18; 19; 27]), по своей злободневности больше отвечающий новоградско-

му пафосу⁵, нежели мнемоническому канону авторитетного журнала. С большой долей вероятности этот цикл статей был одобрен или инспирирован Фондаминским, который хотел публицистической Бицилли «усилить общественно-социальную часть» «Современных записок»⁶. Сам ученый в письме к Рудневу влияние Фондаминского описывал не без иронии:

...что бы он ни заказывал мне для «Н<ового> Града», а раньше и для «Совр<еменных> зап<исок>», всегда прибавлял неизменное cliché: «только, пожалуйста, возможно острее»⁷.

Многие актуальные темы Бицилли разрабатывал независимо от стратегических приоритетов Фондаминского, чему свидетельство — исследования по национальному вопросу, опубликованные в те же годы в виде статей и брошюр в США, Праге, Софии и Загребе (см.: [17; 22; 50; 51; 52]). Однако совпадение интересов и публикация программных статей на ту же тему в «Современных записках» весьма показательны.

С 1931 г., когда Фондаминский, по его собственному замечанию, «отказался от задачи, на которую отдал годы своей жизни: оформления в “С<овременных> з<аписках>” дорогого мне мирозерцания» и был «весь поглощен заботами мыслями о создании маленького журнала, где бы наше мирозерцание могло бы свободно оформиться»⁸, отдельное направление публицистики Бицилли перераспределяется в пользу нового издания. Определенную роль здесь играла и редакционная «охранительная» политика Вишняка. Знамательно, что в том же переломном 1931 г. Фондаминский настойчиво убеждал редакцию «Современных записок» сохранить в составе ближайшего номера статью Бицилли «U.S.E.?» (Современные записки. 1931. Кн. 45), посвященную животрепещущему вопросу европейского единства и даже пожертвовать ради нее публикацией набоковского «Подвига».

⁵ См. программный призыв в статье от редакции в первом номере «Нового Града»: «Начала нового свободного порядка и справедливости, утверждаемые в государственном общежитии, должны быть обеспечены и в отношениях между нациями. Нации — великие личности — должны сохранить во всей полноте свободу своего творчества, но поступиться долей политической и экономической свободы, чтобы войти в общечеловеческое общение» [36, с. 6].

⁶ И.И. Фондаминский — М.В. Вишняку, 21 июня 1930 г. [39, с. 535].

⁷ П.М. Бицилли — В.В. Рудневу, 3 августа 1936 г. [40, с. 582].

⁸ И.И. Фондаминский — М.В. Вишняку, 12 января 1931 г. [39, с. 552].

По текущим делам только одно пожелание, — обращается он к Вишняку, — ни в коем случае не выбрасывать статьи Бицилли. <...> Я ему писал извинение и сообщил, что она пойдет обязательно в этом номере. Помимо этого, она входит в серию культурно-публицистических статей, на к<о>т<о>р<ых> мы решили утвердить в этом году журнал⁹.

Статья «U.S.E.?» была, как и обещано автору, напечатана в «Современных записках». Вместе с тем его последующие публикации в этом журнале плавно переходят в иную парадигму (литературоведение, философия культуры). Сам Бицилли, видимо, не переставал рассматривать «Современные записки» как проект, чувствительный к современности, — все его публикации после 1931 г. в той или иной степени были отражением актуальных исторических событий, а статьи «Две эпохи крушения старого порядка» (Современные записки. 1935. Кн. 57) и «Вторичное варварство» (Современные записки. 1940. Кн. 70) можно смело отнести к разряду остропублицистических. Однако со счетов нельзя скидывать все ту же «редакционную гражданскую войну» и идейное противостояние журналов, иллюстрацией чему служит сакраментальный вопрос Вишняка, адресованный Рудневу: «Зачем заполнять “С<овременные> з<аписки>” специфически новоградским материалом?»¹⁰.

Знаменательно, что в конце 1930 х Бицилли в одном из писем к Вишняку, без оптимизма встретив просьбу дать статью на далекую от него тему, заметит:

Мне очень бы хотелось написать о кое-чем другом в связи с нынешними событиями: а именно о вскрывшихся в них противоречиях нынешней «Европы» и о тех жутких последствиях, какие эти противоречия вызывают. Буду очень благодарен, если дадите мне для этого 5–6 — не более — страниц. Статья эта сложилась «в голове» уже вполне, так что, как только получу Ваш ответ, то если это будет да — сейчас же напишу и пришлю к сроку¹¹.

Судя по всему, ответа «да» не последовало, так как означенная тема не прозвучала в «Современных записках», не появилась она и в «Русских записках», где Бицилли стал публиковаться по пригла-

⁹ И.И. Фондаминский — М.В. Вишняку, 12 января 1931 г. [39, с. 553].

¹⁰ М.В. Вишняк — В.В. Рудневу, 26 мая 1935 г. [39, с. 796].

¹¹ П.М. Бицилли — М.В. Вишняку, 25 сентября 1938 г. [40, с. 620.]

шению Вишняка. Скорее всего речь идет о программной статье «Урок истории», в ней автор снова обратился к сюжетам (философии нации, объединения Европы), которые активно развивал в «Современных записках» в эпоху Фондаминского на стыке 1920-х и 1930-х гг. «Урок истории» был опубликован в последнем номере «Нового Града» (1939. № 14).

Журнал И.И. Бунакова (Фондаминского), Г.П. Федотова и Ф.А. Степуна возник в период мирового экономического кризиса начала 1930-х гг., назревающего политического кризиса в Европе, кризиса либеральной системы и масштабного кризиса гуманизма, проявившегося в разных странах и в разных изводах, но с характерной одновременностью (всплеск национализма, милитаристская риторика, запуск ГУЛага в СССР и концлагерной машины германского рейха и т. д.). Ответом на энтропийный контекст эпохи и агрессивное наступление идеологии нацизма и большевизма «Новый Град» выдвигал целый комплекс альтернативных концепций, основой которых служило новое деятельное религиозное сознание. Между тем весьма проблематично сводить феномен новоградства к завершенной идеологии с четкими контурами. Это был богатый по составу сплав (или конвергенция) идей из наследия русской мысли (христианская антропология В.С. Соловьева, философия «общего дела» Н.Ф. Федорова и т. д.), дореволюционной «веховской» традиции (идея переустройства общества) и пореволюционного эмигрантского мировоззрения. Однако политической трибуной пореволюционных доктрин «Новый Град» назвать также сложно. В сущности, журнал не столько пропагандировал идеологию многочисленных пореволюционных течений русского рассеяния (евразийцы, младороссы, солидаристы, неодемократы, национал-максималисты, четвертороссы и т. д.), сколько осмыслял ее. Также осмыслением поколенческого вопроса стал диалог журнала с младоэмиграцией. В этом плане показательно редакционное воззвание «К молодежи» («Новый Град». 1932. № 3). На фоне основного авторского состава, представленного большей частью старшим и средним поколением (Н.Н. Алексеев, Н.А. Бердяев, П.М. Бицилли, прот. С. Булгаков, В.В. Вейдле, Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, В.Н. Ильин, Е.Д. Кускова-Прокопович, Н.О. Лосский, К.В. Мочульский, мать Мария (Е.Ю. Скобцова), П.Н. Савицкий, М.И. Цветаева и др.), авторов из молодых эмигрантов в журнале было немного (В.С. Варшавский, Л.Г. Закутин, Ю.П. Иваск, В.С. Яновский). Однако именно в обращенности к актуальной по-

литической мысли и к эмигрантской молодежи, в осмыслении через философскую публицистику животрепещущих проблем десятилетия было стратегическое завоевание «Нового Града».

Сближало новоградство с другими пореволюционными течениями искание «третьего пути» — нового социального обустройства России и Европы, свободного от идеалов капиталистического Запада и от большевистской доктрины. При этом «замысел о новой России» [42, с. 17–18] не отменял пристального интереса к онтологии и феноменологии социализма — «блудного сына христианства», по определению Г.П. Федотова [47, с. 4]. В целом новоградцы создали оригинальную концепцию социального христианства — «новую апологию вечных истин» [47, с. 4], предлагая разные формулы «активной “утопии”» [28, с. 45]. Немалый интерес новоградцы проявляли и к социальным процессам, происходящим в Советской России, сделав их также предметом последовательного осмысления — без сменовеховской апологетики, но и без априорных инвектив. Пожалуй, именно этот пункт в новоградской аналитике вызывал наибольшую критику со стороны «ортодоксальной» русской эмиграции (см. об этом, например: [1]).

В то же время в многочисленных пореволюционных исканиях тридцатых годов «Новый Град» занимает особое место. В неформальном манифесте (статья от редакции в № 1) журнал выстраивает отдельную новоградскую парадигму:

...признание свободы личности отделяет нас от большинства так называемых пореволюционных течений русской политической мысли, с которыми нас роднит общее понимание политического кризиса и воля к новой жизни. В охране свободы, как драгоценного завещания XIX века, мы занимаем позицию консерваторов [36, с. 6].

Христианский персонализм («вечная истина христианства, согласно которой дороже всего человек» [13, с. 59]) как нравственный императив лежит в основе самых различных новоградских исканий в области политики, культуры, образования, права, хозяйствования (регуляции природы), национального вопроса и т. д. Не случайно при всем многообразии концепций новоградство предстает как многомерный, но целостный феномен. Как целостное социальное действие новоградство проявило себя в ряде эмигрантских починов близких к журналу (собрания литературно-философского объединения «Круг», работа организации «Православное Дело») и достигло апогея во время Второй мировой войны, когда многие русские

эмигранты, разделявшие новоградские воззрения, приняли участие в борьбе с нацизмом, — пополнили ряды Французской армии, вошли в движение Сопротивления. Символичной для новоградства стала судьба самого Фондаминского-Бунакова, — его крещение в 1941 г. в лагере Компьень, мученическая смерть 1942 м в лагере Освенцим и канонизация в 2004 м Константинопольским патриархатом.

Методологически новоградство отличала особая форма мысли, где сомнение, вопрошание, полемика были неотъемлемой частью самораскрытия идеи. Так, в «новоградском манифесте» за программным утверждением «наше поколение вплотную поставлено перед социальным вопросом — не для теоретического анализа, а для практического его решения» следовал не менее программный постскриптум: «У нас нет готовых рецептов» [36, с. 5, 6].

Призыв «Нового Града» к активизму, «практическому решению», хождению в эмигрантский народ [23] вовсе не снимал с повестки дня «теоретического анализа». В истории идей русского зарубежья новоградство предстает как нетривиальная теоретическая проекция, к становлению которой были причастны в первую очередь основатели журнала — Федотов, размышлявший о «теории православного демократического государства» [47, с. 5], Степун, говоривший о необходимости «кропотливой работы над созданием нового мирозерцания, над возвращением нового человека» [44, с. 10]¹², Бунаков (Фондаминский), призывавший воскресить «Орден воинов-монахов, пламенно верующих в правду учения и готовых на жертвы и подвиг для освобождения России» [29, с. 47]. Вместе с тем новоградские построения отмечены характерным «воздержанием от идеологически-отвлеченного прожектерства» [43, с. 19].

Возможно, именно теоретическое сдерживание, видение новоградской идеи как неокончательного становящегося процесса и неподдельный интерес к голосу *другого* уберегли новоградство от участи многих агрессивных идейных конструкций предвоенной эпохи. Критика В.В. Руднева в адрес № 1 журнала, его недоумение по поводу отсутствия общепонятной формулы «Нового Града» и «руководящей статьи» с «отчетливым ответом» [37, с. 506] — в новоградской системе ценностей — суть методологическое завоевание. Вклад «Нового Града» в ментальное пространство межвоенных лет в целом можно свести не к строительству завершенной идеологии, а к явлению иного порядка — «созданию новоградской психологии» [41, с. 64]. Сам журнал свои мировоззренческие принципы сформу-

¹² Подробнее об этом см.: [9].

лировал еще в первом номере: «Мы спрашиваем не о том, во что человек верует, а какого он духа» [36, с. 7].

В сущности, новгородство не столько создавало новый тип человека, сколько пыталось восстановить утерянный замысел о человеке, — живую, духовную, практическую связь между христианством и современностью. О том, какое исключительное место занимала новгородская идея в ряду новых исканий русской эмиграции, можно судить по книге «Незамеченное поколение» (1956) В.С. Варшавского, одного из авторов и апологетов «Нового Града». Настроение младоэмигрантов в межвоенные годы он описывал так:

Чтобы покончить с жизнью одиночества, сожалений и пустоты, им представлялась другая возможность — примкнуть к какому-либо коллективному движению, к какому либо конформизму. В этом объяснение, почему их так легко соблазняли разные фашистско-образные идеологии и почему многие из них стали советскими патриотами. Но, избавляясь в этом отождествлении себя с чем-то сверхличным от ужаса несуществования и бессмысленности, — они отказывались и от своей свободы, от своего права спрашивать и сомневаться. В награду за этот отказ от свободы и за готовность отдать жизнь для победы учения они получали на все ясные готовые ответы... [30, с. 160].

Предоставляя «право спрашивать и сомневаться», новгородство оградило многих младоэмигрантов от искушений фашизма и сменовеховства.

Свобода мнений, ограничение идейной диктатуры, «дух терпимости и диалога» [30, с. 244], — как потом охарактеризует стратегию и тактику «Нового Града» тот же Варшавский — проводились журналом весьма последовательно. Издание публиковало на своих страницах взаимную полемику¹³ и даже критику новгородских построений. Примером такой критики могут служить статьи Бицилли, и одна из наиболее показательных — «Размышления у врат Нового Града», где автор дает обзор достижений и срывов новгородской идеологии и предостерегает от «гипостазирования исторических понятий», «грубого обобщения», наивного эмигрантского прожектерства [35, с. 61, 64], в сущности, опровергая ряд концепций идеологов журнала — Федотова, Бунакова и Степуна. Скорее всего, не только «духовные ценности “нового”», но и диалогичность журнала

¹³ См., например, новгородскую полемику Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова о свободе, либерализме и демократии.

предопределили сотрудничество Бицилли с «Новым Градом». Достаточно привести его соображение:

...сколь бы ни была «умна» какая-либо доктрина, ставши официальной, она становится и монопольной и тем самым обращается в догму, т. е. «глупеет» [23, с. 198].

Сам Бицилли для «Нового Града» выступил автором, который постоянно раскачивал маятник полемики, провоцировал дискуссию, чем внес весомый вклад в жизненность новоградства и его эвристический потенциал. Как мыслитель он оказал немалое влияние на становление нового течения. Однако делал это методом не «готовых рецептов», а диалога, тем самым ограждая новоградскую идею от косности монопольной догмы.

Как уже отмечалось, Бицилли сотрудничал с журналом Бунакова (Фондаминского), Федотова и Степуна на протяжении девяти лет с первого до последнего номера (за исключением № 12, 13). При этом по количеству публикаций опередил не только «сторонних» авторов, но и двух новоградских идеологов — Бунакова и Степуна, уступив лишь Федотову. Объективно Бицилли был самым активным участником новоградского проекта: 9 статей (одна за подписью П. Михайлов) и 10 рецензий.

Самораскрытие мысли Бицилли на страницах «Нового Града» показательно и многообразно. Перед нами предстают основные направления его научных исканий как историка, культурфилософа, литературоведа и медиевиста. При этом большую часть публикаций отличает характерный полемичный дискурс. Остановимся на нескольких текстах, программных для автора и журнала. Репрезентативна уже первая статья [26] с критическим разбором парижского журнала «Утверждения» — печатного органа Объединения пореволюционных течений, основанного в 1931 г. идеологом национал-максимализма Ю.А. Ширинским-Шихматовым. Указывая на слабости и противоречия идейных построений «утвержденцев» («превознесение национально-государственной мощи России», «недооценка европейской культуры», «преклонение перед государством, как организованной силой», «недооценка демократии» и т. д.) — Бицилли сравнивает новое пореволюционное течение с евразийством, пережившим к 1931 г. ряд идеологических кризисов и раскол. Сотрудничество Бицил-

ли с евразийцами хорошо изучено¹⁴. Интерес ученого к становящемуся евразийству фактически ограничился ранним софийским периодом и довольно быстро сменился разочарованием, а статья «Два лика евразийства» (Современные записки. 1927. Кн. 31) подвела черту под историей отношений. Возвращаясь в новгородской статье к противоречиям евразийской доктрины, Бицилли пишет:

Идеология «Утверждений» не то же самое, что идеология евразийства. Но она очень похожа на евразийскую — и как раз в том, что составляет, если можно так выразиться, конститутивную порочность последней. <...> Идеологи «Утверждений», как и евразийцы, живут всецело в будущем, т. е., в сущности, не живут [26, с. 84].

Очевидно, что этим сопоставлением мыслитель пытается уберечь стратегию пореволюционного печатного органа от уже отработанных ошибок. Очевидно также, что новгородская статья — очередной вердикт соблазну евразийства. Между тем в этом заочном диалоге не все так очевидно, и сам Бицилли, верный полемичному дискурсу, обратится в следующем номере «Нового Града» к сборнику «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев» (Париж, 1931). Отметив сильные теоретические стороны евразийства и неоспоримый вклад в науку ряда его представителей (концепция «месторазвития» Г.В. Вернадского, геополитические и историко-географические идеи П.Н. Савицкого), он завершит разбор издания знаменательной репликой:

В каждой новой научной концепции есть еще одна сторона, всегда положительная, хотя бы даже новая концепция была ложной: она приучает увлеченных ею вообще видеть вещи по-новому [24, с. 92].

Эта небольшая рецензия с «открытым финалом» усложняет рецепцию евразийства в творчестве Бицилли и вместе с тем в новгородском нарративе.

Подчеркнуто дискуссионной предстает на страницах журнала тема «нового средневековья». В русской философии концепция по традиции закреплена за Н.А. Бердяевым как автором книги «Новое средневековье» (1924). Между тем Бицилли ввел понятие «новое средневековье» в лексикон русской мысли раньше Бердяева (см.: [20]), а в статье «Проблема нового средневековья» предложил его

¹⁴ См., например: [2; 7; 8].

новую смысловую проекцию. Указывая на целый ряд социальных конфликтов новейшего времени (конфликт между национальным и мировым хозяйством, конфликт между равенством жизненных сфер и равенством людей и т. д.), Бицилли замечает:

Никогда еще, кажется, мир не был так безобразно хаотичен, так непрочен, так неустойчив, так полон противоречий, как в наше время [21, с. 55], —

и предлагает в противовес этой непрочности что-то вроде утопии на тему «нового средневековья». Она существенно отличается от концепции Бердяева, для которого грядущее «новое средневековье» — апогей культурного универсализма. Бицилли рассматривает феномен прежде всего как медиевист, — через призму специфических черт эпохи средневековья. «Средневековье строило свою жизнь по типу Вселенной, как она ему представлялась», — замечает автор и сравнивает средневековую культуру с рядом концентрических сфер, которые замыкает «всеохватывающая сфера Церкви» [21, с. 56]. Для него «новое средневековье» — это воплощенный замысел о «цельности человеческой жизни»; вместе с тем это всецело обновленный исторический эон, свободный от средневекового детерминизма, начинающий свой разбег «не с подчинения одних сфер другим, а напротив, с последовательного обособления» [21, с. 58].

Знаменательно, что в статье Бицилли не опровергает идеи Бердяева и не ставит вопрос об авторстве термина, а раскрывает его множественные смыслы — и, как итог, расширяет применение нового понятийного языка русской историографии и философии. Предлагая свою авторскую проекцию будущего, ученый вносит вклад и в новоградскую идею «третьего пути». В то же время на страницах «Нового Града» в очередной статье он укажет на «утопический элемент в теории “нового средневековья”, не считающийся достаточно с законом необратимости истории» [15, с. 109], — чем еще больше усложнит интерпретацию концепта, внесет сомнение, амбивалентность и свободу от схематизма.

Как литературовед Бицилли выступил на страницах «Нового Града» с полемичной статьей «Несколько замечаний о современной зарубежной литературе», которая стала прямым ответом на статью Степуна «Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы» (Новый Град. 1935. № 10) и косвенным — на статью Г. Газданова «О молодой эмигрантской литературе» (Современные записки. 1936. Кн. 60). Статья органично влилась в многолетний

спор о творчестве писателей-младоземigrants, в котором приняли участие выдающиеся литераторы русского зарубежья (Г.В. Адамович, А.Л. Бем, З.Н. Гиппиус, М.А. Осоргин, М.Л. Слоним, В.Ф. Ходасевич и др.). Очередной всплеск полемики пришелся на середину 1930-х гг. и во многом был спровоцирован новгородской статьей Степуна с ее призывом к «действенной помощи в <...> борьбе против большевиков» [45, с. 12] и рядом политических заданий, выдвинутых молодым писателям. Обострила полемику ответная статья Газданова, назвавшего призывы Степуна «литературно-эмигрантским недоразумением», направленным «в пустое пространство» [34, с. 404, 405]. Резонанс, который получила статья Газданова, был связан не только с выпадом против новгородского идеолога, но и с крайне пессимистичной оценкой творчества «молодого поколения не получившей эмигрантской литературы» [34, с. 407].

«Несколько замечаний...» Бицилли весьма показательны в этом споре. С одной стороны, он ставит под вопрос отвлеченную программность постулатов Степуна, в которые не вписываются реальные достижения молодых эмигрантских писателей, а с другой, — опосредованно оспаривает скептический вердикт Газданова, указав на те же достижения молодой эмигрантской литературы (проза В. Сирина и самого Газданова, богатейшая по составу антология русской зарубежной поэзии «Якорь»). Небольшая статья Бицилли (всего лишь «несколько замечаний») ценна прежде всего пристальным интересом к предмету спора, вносит определенное равновесие в полемику, перераспределяет ее смысловой центр от отвлеченных идеологов и категоричных суждений — «к самим вещам», конкретному литературному факту. В сущности, метод, которым оперирует Бицилли, созвучен новгородской максиме Федотова:

При анализе настоящего и при гадании о будущем мы обязаны исходить не из абстрактной идеи века, а из конкретной исторической действительности [48, с. 88].

В ряду программных работ Бицилли как историка и культурфилософа стоит поистине новгородская статья «Урок истории», посвященная национальному вопросу и шире — проблеме сосуществования наций и стран накануне масштабной исторической катастрофы. «Болезнь национального сознания» (Г.П. Федотов) [49, с. 22] и пути выхода из кризиса — одни из самых злободневных тем для «Нового Града», в сущности, — центральные. Национальному вопросу посвящена большая часть новгородской публицистики Федотова,

цикл статей Бунакова и Степуна, отдельные статьи Н.А. Бердяева, о. Сергия Булгакова, матери Марии, Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого и др. Появившись в последнем «предвоенном» номере, «Урок истории» символично завершает этот остроактуальный новгородский дискурс и одновременно — многолетний сюжет «философии нации» в творчестве Бицилли.

В статье автор вернулся к основным положениям ранних работ по национальному вопросу (последствия распада многонациональных империй, кризис национального государства как идеологемы, украинский вопрос, проблема европейского единства, балканский вопрос и т. д.). В то же время переломное десятилетие, разделяющее ранний цикл статей и новгородскую публикацию, сформировало беспрецедентный исторический контекст. В эти годы национальный вопрос стал главенствующим в европейском геополитическом пространстве, проявляясь в разных формах — от национальной идеи Муссолини (в том числе идеи корпоративного государства во имя экономического и национального единства) до набирающей силу эмигрантской русской национальной идеи, представленной многочисленными общественно-политическими пореволюционными течениями (солидаристы, младороссы, национал-максималисты и т. д.).

Решающими событиями десятилетия стали приход к власти национал-социалистов в Германии («декрет о защите народа и Государства», закон о реорганизации империи и т. д.), учреждение концлагерей Третьего рейха и начало Второй мировой войны.

На фоне расцвета «фашизации» Европы Бицилли создает бескомпромиссное философско-публицистическое исследование по национальному вопросу. Не теряя полемичной многомерности, не впадая в политиканство, автор статьи дает целый свод убедительных и лапидарных ответов на ключевые вопросы предвоенной эпохи: «нигде и никогда нация не была базой, на которой создалось государство», «в сущности, нигде нет чистых народов, как нет чистых рас. И в особенности это имеет силу для всех земель, бывших в течение столетий спорными», «очень легко сочувствовать одновременно всем вместе эмансипационным и сепаратистским тенденциям и движениям в средней и восточной Европе, просто-напросто не замечая того, что условием успеха одного какого-нибудь из таких движений был — в силу необходимости — провал другого» [25, с. 64, 63–64, 65].

Ряд проблем, затронутых Бицилли в «Уроке...», и сегодня не теряет своей злободневности. В том числе украинский вопрос, который для историка был неотделим от общемирового контекста и соотно-

сен с процессом национального и политического становления новой Германии (см. об этом: [5; 6]). Подчеркивая, что «украинский вопрос не выдумка каких-нибудь интриганов, авантюристов, или беспочвенных романтиков: он — есть» [25, с. 62], автор статьи замечает, что в современном историческом пространстве он не может быть решен до конца, если только не идти путем «чистки» или принудительной денационализации «чужеродных элементов». Собственно, в этом и есть трагический урок новейшей истории, который преподала новая Германия.

Не менее актуальной в статье предстает дальновидная гипотеза европейского объединения, высказанная Бицилли задолго до создания Европейского Союза. К проблеме европейского единства ученый обращался не раз, однако накануне Второй мировой войны и очередного насильственного передела Европы слова: «...национальная проблема не только не исключает проблемы единства, но только при сохранении единства и может быть “разрешена”» [25, с. 66], — звучали по-новоградски жизненно и менее всего походили на отвлеченную теорию.

«Урок...» символично завершает новоградский проект. Это поистине итоговая статья — и для Бицилли, и для «Нового Града». При этом для «Урока...» весьма показателен уход от амбивалентности, столь характерной для ряда ранних новоградских публикаций Бицилли. Здесь уместно было бы говорить не об эволюции научного метода, а, скорее, о внятной реакции мыслителя на мрачную «эволюцию» политического пространства Европы, на грядущую историческую катастрофу. И в этой этической конкретности — в свете полного затмения гуманизма — символичное совпадение личной нравственной позиции ученого и этической парадигмы новоградства.

Феномен публицистики Бицилли не сводится к феномену новоградства, однако их глубинные пересечения показательны. Во всяком случае, в новоградское течение мыслитель был вовлечен куда активнее, чем в евразийское, а результат сотрудничества оказался долговременным, поступательным и плодотворным. На страницах «Нового Града» ученый продолжает быть верен себе — он провоцирует диалог, бежит от формул и статичных дефиниций, говоря словами самого Бицилли, — «выдвигает проблему, а не просто пишет рецепт» [14, с. 41]. Как новоградский автор он менее всего претендует на завершенную идеологию и вместе с тем вносит весомый вклад в живой, становящийся новоградский текст. Участие Бицилли

в новоградском начинании — идеальный пример его творческой пластичности. Представитель «старшего поколения», дореволюционной академической традиции, знаменитой российской школы медиевистики в эмиграции он один из первых сломал стереотипы «охранительного» мировоззрения, блестяще сочетая в своем творчестве высокую научную культуру и острое чувство современности.

Правда, здесь вполне уместен вопрос — новоградство ли было актуально для Бицилли или Бицилли был актуален для «Нового Града»? Знаменательно, что на страницах журнала мы найдем немало аллюзий на «Очерки теории исторической науки» (1925) — ранний и вместе с тем основополагающий теоретический труд ученого. При этом пересечения встречаются не только в текстах самого Бицилли, но также других авторов, прежде всего в статьях Г.П. Федотова. Здесь можно говорить в равной степени о непреднамеренном совпадении, идейном сближении, творческом усвоении. Здесь также можно предположить предвидение П.М. Бицилли новоградской идеи как органичного воплощения эмигрантского мировоззрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Ананьев О.В., Ермичев А.А.* «Новый Град»: проект духовного и социального переустройства мира // *Философия и общество*. 1999. № 1. С. 154–172.
2. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг. (очерки и фрагменты) // *Вокруг редакционного архива «Современных записок»* (Париж, 1920–1940): сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 241–253.
3. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
4. *Васильева М.А.* П.М. Бицилли — участник спора «о молодой эмигрантской литературе» // *Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: сб. науч. тр. / сост. Т.Н. Красавченко, М.А. Васильева, Ф.Х. Хадонова*. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 50–70.
5. *Васильева М.А.* Русско-украинские отношения в исторической концепции П.М. Бицилли // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2020. Т. 3, № 4. С. 133–145. DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-133-145

6. Даренский В.Ю. Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П.М. Бицилли // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 34–42. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-34-42
7. Додонов Р.А. Критика П.М. Бицилли философии истории евразийства // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. 2013. Вип. 52. С. 218–226.
8. Каганович Б.С. К теме: П.М. Бицилли и евразийцы // Диаспора: Новые материалы / отв. ред. О.А. Коростелев. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 291–299.
9. Киселева М.С. Проект человека «Нового града». Ф.А. Степун и В.С. Варшавский // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 144–154. DOI: 10.7868/S0042874418060122

Источники

10. Адамович Г.В. Комментарии // Числа. Париж, 1933. № 7/8. С. 153–165.
11. Адамович Г.В. «Современные записки». Кн. 50-я. Часть литературная // Последние новости. Париж, 1932. 27 октября. № 4236. С. 3.
12. Адамович Г.В. «Числа». Книга 7–8 // Последние новости. 1933. 19 января. № 4320. С. 2.
13. Бердяев Н.А. Христианство и революция // Новый Град. Париж, 1937. № 12. С. 18–62.
14. Бицилли П.М. К проблеме возрождения культуры // Новый Град. 1934. № 8. С. 39–51.
15. Бицилли П.М. На путях к новому граду // Новый Град. 1935. № 10. С. 106–111.
16. Бицилли П.М. Нация и государство // Современные записки. Париж, 1929. Кн. 38. С. 380–400.
17. Бицилли П.М. Нация и гражданство в средневековой коммуне // Buljčev zbornik. Zagreb, 1929. S. 591–593.
18. Бицилли П.М. Нация и народ // Современные записки. 1928. Кн. 37. С. 342–355.
19. Бицилли П.М. Нация и язык // Современные записки 1929. Кн. 40. С. 403–426.
20. Бицилли П.М. Основы социализма. Одесса: [Б.и.], 1917. 45 с.
21. Бицилли П.М. Проблема нового средневековья // Новый Град. 1932. № 2. С. 50–58.
22. Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Единство, 1930. 38 с.
23. Бицилли П.М. [Рец. на кн.:] Thierry Maulnier. — Au delà du Nationalisme. Gallimard. 1938 // Русские записки. Париж, 1938. № 6. С. 197–199.

24. *Бицilli П.М.* [Рец. на кн.:] Тридцатые годы. Утверждение евразийцев, кн. VII, 1931 // Новый Град. 1932. № 2. С. 91–93.
25. *Бицilli П.М.* Урок истории // Новый Град. 1939. № 14. С. 61–69.
26. *Бицilli П.М.* Что следует отрицать в «Утверждениях» // Новый Град. 1931. № 1. С. 81–85.
27. *Бицilli П.М.* Эволюция нации и революция // Современные записки. 1930. Кн. 42. С. 374–384.
28. *Булгаков С., прот.* Душа социализма. Ч. 2 // Новый Град. 1932. № 3. С. 33–45.
29. *Бунаков И.И.* Пути освобождения // Новый Град. 1931. № 1. С. 31–48.
30. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / под ред. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 2010. 544 с.
31. *Вишняк М.В.* Годы эмиграции. 1919–1969. Париж — Нью-Йорк: (Воспоминания). Stanford: Hoover Institution Press, 1970. 276 с.
32. *Вишняк М.В.* Политические заметки: (Еще о «Новом Граде») // Современные записки. 1932. Кн. 50. С. 438–455.
33. *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University, 1957. 336 с.
34. *Газданов Г.И.* О молодой эмигрантской литературе // Современные записки. 1936. Кн. 60. С. 404–408.
35. *Михайлов П.* [П.М. Бицilli]. Размышления у врат Нового Града // Новый Град. 1933. № 6. С. 60–67.
36. <От редакции>. Новый Град // Новый Град. 1931. № 1. С. 3–7.
37. *Руднев В.В.* Новый град. Кн. 1-я // Современные записки. 1932. Кн. 48. С. 504–509.
38. *Современник [М.В. Вишняк]* Орфей в аду // Дни. Париж, 1931. 22 ноября. № 143. С. 14.
39. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 952 с.
40. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.
41. *Степун Ф.А.* Еще о человеке «Нового Града». Ответ оппонентам // Новый Град. 1932. № 4. С. 63–72.
42. *Степун Ф.А.* Задачи эмиграции // Новый Град. 1932. № 2. С. 15–27.
43. *Степун Ф.А.* Идея России и формы ее раскрытия // Новый Град. 1934. № 8. С. 15–27.
44. *Степун Ф.А.* О человеке «Нового Града» // Новый Град. 1932. № 3. С. 6–20.

45. Степун Ф.А. Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый Град. 1935. № 10. С. 12–28.
46. Федотов Г.П. О смерти, культуре и «Числах» // Числа. 1930/1931. № 4. С. 143–148.
47. Федотов Г.П. Основы христианской демократии // Новый Град. 1934. № 8. С. 3–14.
48. Федотов Г.П. Ответ Н.А. Бердяеву // Новый Град. 1933. № 7. С. 81–89.
49. Федотов Г.П. Сумерки отечества // Новый Град. 1931. № 1. С. 21–30.
50. Бицилли П.М. Иван Сергеевич Аксаков и неговата философия на нацията // Българска мисъл. 1928. Кн. 2. С. 107–118.
51. Бицилли П. Роля на идеите в политиката: Национални и държавни принципи в Новото време // Българска мисъл. 1929. Кн. 7/8. С. 515–525.
52. Bizzilli P. Geopolitical conditions of the evolution of Russian nationality // The Journal of modern history. Chicago, 1930. Vol. 2, № 1. pp. 27–36.

REFERENCES

1. Ananiev, O.V., and A.A. Ermichev. ““Novyi Grad”: proekt dukhovnogo i sotsial'nogo pereustroistva mira” [““Novyi Grad”: a Project for the Spiritual and Social Reconstruction of the World”]. *Filosofiia i obshchestvo*, no. 1, 1999, pp. 154–172. (In Russian)
2. Birman, M.A. “P.M. Bitsilli i evraziitsy v 1922–1927 gg. (ocherki i fragmenty)” [“P.M. Bitsilli and Eurasianists in 1922–1927 (Essays and Fragments)”]. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva “Sovremennykh zapisok” (Parizh, 1920–1940)* [Around the Editorial Archive of “Sovremennye Zapiski” (Paris, 1920–1940)], ed. by O. Korostelev, M. Schrub. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 241–253. (In Russian)
3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953): Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953): Life and Work]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Vasil'eva, M.A. “P.M. Bitsilli — uchastnik spora ‘o molodoi emigrantskoi literature’” [“P.M. Bitsilli — a Participant in the Dispute ‘about Young Emigrant Literature’”]. *Gaito Gazdanov i “nezamechennoe pokolenie”: pisatel' na peresechenii traditsii i kul'tur* [Gaito Gazdanov and the “Unnoticed Generation”: Writer at the Intersection of Traditions and Cultures]. comp. by T.N. Krasavchenko, M.A. Vasilieva, F.H. Khadonova. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 2005, pp. 50–70. (In Russian)
5. Vasil'eva, M.A. “Russko-ukrainskie otnosheniia v istoricheskoi kontseptsii P.M. Bitsilli” [“Russian-Ukrainian Relations in the Historical Concept of

- P.M. Bitsilli”]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, vol. 3, no. 4, 2020, pp. 133–145. DOI: 10.7868/S0042874418060122 (In Russian)
6. Darensky, V.Iu. “Analiz paradoksov ukrainskoi natsional'noi identichnosti v kontseptsii P.M. Bitsilli” [“Analysis of the Paradoxes of Ukrainian National Identity in the Concept of P.M. Bitsilli”]. *Gumanitarnyi vektor*, vol. 13, no. 4, 2018, pp. 34–42. (In Russian)
 7. Dodonov, R.A. “Kritika P.M. Bitsilli filosofii istorii evraziistva” [“P.M. Bitsilli's Criticism of the Philosophy of the History of Eurasianism”]. *Gumanitarnyi visnyk Zaporiz'koi derzhavnoi inzhenernoi akademii*, issue 52, 2013, pp. 218–226. DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-133-145 (In Russian)
 8. Kaganovich, B.S. “K teme: P.M. Bitsilli i evraziitsy” [“On the Topic: P.M. Bitsilli and Eurasianists”]. *Diaspora: Novye materialy* [*Diaspora: New Materials*], ed. by O.A. Korostelev, issue 2. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 291–299. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-34-42 (In Russian)
 9. Kiseleva, M.S. “Proekt cheloveka ‘Novogo grada.’ F.A. Stepun i V.S. Varshavskii” [“The Project of the ‘Novyi Grad’ Man. F.A. Stepun and V.S. Varshavskii”]. *Voprosy filosofii*, no. 6, 2018, pp. 144–154. (In Russian)

Дата поступления статьи: 10 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 18 августа 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 10 August 2021

Approved after reviewing: August 18, 2022

Date of publication: December 26, 2024